

Эхо ПАМЯТИ

По воспоминаниям журналистки и телеведущей Юлии Мучник, Андрея Сагалаева «камера любила», передавала масштабы личности. «Отменно красивой лепки лицо: высокий лоб, серьезный, чуть угрюмый взгляд (недаром одним из его прозвищ было «Андрей Мракович»), тяжеловатая нижняя челюсть, при этом очень располагающая легкая ироническая, в усы, улыбка. И харизма, которая чувствовалась с первой минуты разговора...».

Таким остался в памяти родных и друзей, коллег и учеников Андрей Маркович Сагалаев – доктор исторических наук, научный сотрудник Института истории, филологии и философии СО АН, профессор Томского государственного университета и Томского педагогического института, Университета штата Иллинойс (США, 1996–1997), Университета штата Вайоминг США (2001–2002)... Он ушел из жизни, когда ему не исполнилось и пятидесяти: умер вскоре после возвращения из США. Это случилось во время лекции в филиале ТГПУ в г. Колпашево

Зеркала культур: Памяти А. М. Сагалаева / сост., предисл. К. А. Сагалаев; отв. ред. А. П. Деревянко, А. Х. Элерт; Рос. ак. наук, Сиб. отд-ние, Ин-тут археологии и этнографии. – Новосибирск: Из-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 488 с. ISBN 978-5-7803-2997-1

Обо – место поклонения духам. Горный Алтай. 1981 г. Фотосъемка и архив А. М. Сагалаева

Утверждение, что все человеческие культуры равноценны, остается, увы, лозунгом и для многих не наполнено реальным содержанием. Предвзятости, рожденные иллюзией полунзания, не дают людям разных культур взглянуть в лица друг друга... Следует признать не только равноценность культур, но и самоценность каждой и них. Нужно ли сводить представление о путях исторического развития лишь к одному, как наиболее удачному, отводя иным роль проселков и тупиков?

А. М. Сагалаев, *Алтай в зеркале мифа* (1992), с. 7.

В 2019 г. вышла книга «Зеркала культур: Памяти А. М. Сагалаева», посвященная памяти выдающегося ученого. В рубрике «Книжная полка» мы публикуем публицистический очерк А. М. Сагалаева «Череда утрат: о судьбе духовного наследия аборигенов Алтая», который вошел в этот сборник. Очерк был написан давно (в 1989 г.) и в другой стране, буквально на рубеже эпох. Несколькими годами позже, в 1992 г. правовой статус Горно-Алтайской автономной области был повышен до уровня республики, СССР распался и миллионы граждан оказались в новой социальной, политической и культурной реальности.

С тех пор в Республике Алтай многое изменилось, были приняты законодательные акты, касающиеся национально-культурного развития. Но и тридцать лет спустя многие наблюдения, мысли и надежды выдающегося и неравнодушно исследователя не потеряли актуальность. В 1992 г. Андрей Сагалаев написал: «...жизнь народов Сибири – это не черновики Истории или ее «неудачные варианты». Это просто иной путь, единственно возможный в их экологической нише... Архаичная культура не нуждается в защите или оправдании, она требует понимания». В сборнике «Зеркала культур: Памяти А. М. Сагалаева» составителям удалось собрать не только избранные публицистические работы и письма Андрея Марковича, но и воспоминания его коллег и учеников, статьи коллег по традиционной культуре народов Сибири и Дальнего Востока, созвучные его научным интересам. Ведь подобные вопросы и сегодня находятся в центре внимания исследователей, и все новые их поколения готовы ломать копья, отстаивая собственные точки зрения на неизбежно меняющиеся реалии

Редакция благодарит за помощь в подготовке публикации К. А. Сагалаева, А. Х. Элerta, О. Б. Беликову, Г. Б. Сыченко, В. М. Мучника, Э. В. Енчинова

Череда утрат

О судьбе духовного наследия аборигенов Алтая

Незаметно, но споро от нас уходит целая эпоха. Она уходит неузнанной. Мы даже не успели взглянуть в ее лицо. Это эпоха мифопоэтического сознания, господствовавшего в Сибири на протяжении тысяч лет. Еще предстоит ответить на вопрос: почему именно наш век стал горьким рубежом. Пока же фольклористы и этнографы приводят в порядок то, что удалось собрать, услышать, записать, пытаются систематизировать материалы и осмыслить ситуацию

Когда за Бийском экспедиционная машина выворачивает из-за соснового бора, вдалеке вырастает сизая стена гор. Алтай всегда является неожиданно, хотя следуешь давно известным маршрутом. Вскоре «уазик» въезжает в Черный Ануй – первое алтайское село на нашем пути. Надо ли описывать ветхие избушки, перемежающиеся редкими юртами и новыми постройками, старую церковь, переименованную в учреждение культуры, неприкаянные «Кировцы» у калиток и собак, что мчатся вслед, срывая дыхание в хриплом лае? Кому не известна картина сибирской глубинки, где само время – хотя и опережая московское на четыре часа – кажется, замкнулось в кольцо. А час спустя мы сидим в аиле старого знакомого, пьем чай, делимся новостями. Спадает напряжение долгого пути. Алтай из категории «там и тогда» переходит в «здесь и сейчас» «Здесь» живет традиционное, почтительное отношение к старикам. Навстречу вошедшему старцу спешит младший, бережно усаживает его у низенького столика, придвигает тарелку с мясом, наливает чай.

Уже под вечер трогаемся дальше, неспешно выбирая колею и вжимаясь в землю всеми колесами. В памяти застревает вопрос хозяина дома: «Скажи-ка, а мы-то кто теперь? Татары, русские? Или просто люди?» Он был задан с усмешкой, хитрецей во взгляде. Но все ли так просто? Вопрос о национальной принадлежности просыпается в человеке либо в дни больших свершений, либо в годину невзгод, разлада с самим собой.

Старые знакомые – чабаны и охотники – не раз навевались к нам в избушку, притаившуюся на склоне горы под огромными лиственницами. Каждый разговор

неизменно сворачивал в одно русло: что стало с алтайской культурой, языком, обычаями, с самим народом. Что мог я ответить собеседникам? Да и кто, не покрывив душой, может сказать, что знает ответ на эти вопросы? Их ныне задают и в Хакасии, Туве, шорских селениях...

Провозглашая «Расцвет и сближение наций», этнография стыдливо умолкала, когда следовало объяснить иные, совсем не парадные стороны национальной культуры. Например, так называемые «пережитки» в общественном сознании людей, поверия и мифы, старинные обычаи и обряды. Забывая о том, что в этнической среде любые деформации болезненнее стократ, рубили сплеча, без оглядки делили национальное наследие на «прогрессивные» и «реакционные» элементы.

В мировой культуре нет должников и заимодавцев. Единство мировой цивилизации интересно как раз многообразием конкретных проявлений культур, их несхожестью и разноголосицей. Культура не бездонная копилка. В процессе эволюции общество не только обретает, но и утрачивает что-то из своих предшествующих состояний, ценностей. Даже письменность (казалось бы, бесспорное благо, инструмент сохранения культуры) отчасти сковывает полифонию культуры, наделяет язык единообразием форм, стремится сделать их неизблевыми. Государственность привносит в жизнь людей жесткие структуры и установления. Религия нагружает канонами и догмами. Стихия живой культуры формализуется. Тем более интересно обращение к наследию народов, которые до недавнего времени ориентировались на фундаментальные ценности в их, так сказать, первозданном виде. Таковы культуры народов Сибири.

А. М. Сагалаев. Алтай в зеркале мифа (1992)

Пожилая алтайская женщина в традиционной зимней одежде. Горно-Алтайская АО, Усть-Канский р-н, с. Ябоган, 1982 г. Фотосъемка и архив А. М. Сагалаева

Алтай болен. Болен давно. Задолго до семнадцатого года обозначились те недуги, что нынче скрутили его. Вы любуетесь сияющим двузубцем Белухи? Смотрите ниже. Вы видели эти нищие села, покосившиеся кошары, непроезжие дороги, вырубленные кедровники? Вы чувствовали эту неприязнь к приезжим (просто к чужим!), настороженность и замкнутость? Вы не видели (невзначай), как всадник в сердцах хлещет коня, посылая его в дикую скачку – просто так, чтоб обоим выбиться из сил? Ребятишек, не вполне владеющих родным языком? Здесь люди редко думают о будущем и живут как будто в вечно длящемся сегодня. Народ выпал из ритма времени и пространства. Он устал от игры, правила которой ему непонятны, а цель неизвестна.

А. М. Сагалаев. Алтай в зеркале мифа (1992)

Типичное название этнографической работы той поры, например, – «Шаманизм в Хакасии и его реакционная сущность». А еще раньше использовался эпитет более грозный и многообещающий – «контрреволюционная...» Ни джунгарские ханы, ни православные миссионеры, ни становые приставы не преуспели в борьбе с «бессмертным суеверием шаманства». Но шесть десятилетий назад с ним было покончено.

Все прекрасно осведомлены сейчас об ужасах беззакония, которыми сопровождалось раскулачивание На долю аборигенов Сибири досталось еще одно испытание. Вдумайтесь: ни один регион страны, кроме Сибири, не знал такого постыдного, позорного явления, как «расшаманивание». Если в конце 20-х годов местные газеты пестрели «заявлениями» вроде «Сдаю свою шаманскую шубу и бубен в сельсовет», то несколько лет спустя в них уже не испытывали нужды те, кто осуществлял на практике переход к массовому атеизму. Именно в те недоброй памяти годы укоренился в общественном сознании и научной литературе миф о шаманах – эксплуататорах, обирающих бедных сородичей.

Что говорить, если и нынче этнографическая литература несвободна, порой, от вульгарно-атеистического подхода к оценке национального наследия. Возьмите в руки книгу о бурятском шаманизме. Скрупулезный анализ этнографических материалов завершается определением шаманизма как «антикультурного явления». Что это – заклинание или привычный реверанс, адресованный бдительным редакторам, рецензентам? Дань внутреннему цензору, водящему рукой автора? В любом случае такая оценка столь же далека от истины, как утверждение о всеобщей и окончательной победе атеизма. Как вообще можно историю родной культуры описывать

на привале в экспедиции к манси. 1984 г. *Первый слева – А. М. Сагалаев, третий – этнограф И. Н. Гемуев. Фото из архива А. М. Сагалаева*

определениями «не-» и «анти-»? Да, сегодня шаман был бы фигурой анахроничной и, может быть, даже нелепой. Да, среди избранников духов во все времена встречались шарлатаны и проходимцы, лихообороты и просто обманщики. Оправдывается ли этим обстоятельством насильственное пресечение традиции, насчитывавшей тысячелетнюю историю? Кстати, почему-то в книгах, посвященных мифологии и верованиям народов Сибири, принято указывать в подзаголовках: «конец XIX – начало XX в.», а карандаш редактора тщательно переиначивает глаголы, утверждая текст в прошедшем времени. Религия? Верования? Это где-то там, это было давно...

Право, в этом отречении есть нечто малопочтенное. Так, поспешно, не оглядываясь прощаются с нелюбимым родственником из провинции, о самом существовании которого предпочитают не знать.

Если бы боролись только с шаманами... Кому-то ведь пришлось в голову, что традиционная женская одежда напоминает о приниженном положении женщин в старом обществе. Другой решил «облагородить» алтайские села вдоль Чуйского тракта, приказав убрать бревенчатые юрты. Крамольной стала даже память о родовой принадлежности, которая издревле регулировала брачные связи, блокируя возможность заключения браков между близкими родственниками. Что уж говорить о соблюдении ряда древних обычаев и обрядов? Они были автоматически зачислены в разряд вредных пережитков и, похоже, не подлежат реабилитации и поныне. Этнографы, работающие в Сибири, знают, как трудно говорить с людьми об э т о м, насколько укоренились в сознании запретность, опаска. Подчас люди просто стыдятся думать и говорить серьезно о старых приметах, поверьях, обычаях. Духовные искания предков не имеют цены – что может быть горше? И, помня о прошлом, мы, не можем осуждать людей, замыкающихся, когда речь заходит о сокровенном. Изгоняя из культуры старину, подумал ли кто-нибудь, что народ лишается

Алтайское традиционное жилище – срубный айыл. Горно-Алтайская АО, Улаганский р-н, с. Бальктуоль. 1981 г. *Фотосъемка и архив А. М. Сагалаева*

суверенного права обладания собственным взглядом на мир?

Странно ли после этого, что воинствующее безверие все больше и больше вытесняет чувство малой Родины, ощущение своего места в истории? В подавляющем большинстве люди не имеют представления о своих корнях. Им адресуются тощие брошюры, в которых – вольно или невольно – история родной земли рисуется, как история окраины, безнадежного захолустья. Поворот к лучшей жизни обычно связывается с переходом под покровительство России. При этом драматические эпизоды истории подменяются благостными рассказами о «добровольном вхождении». А уж классовая борьба начинается в Саяно-Алтае чуть ли не в эпоху железного века. В то же время замалчиваются «неудобные» темы и сюжеты. Жупел пресловутого «национализма» до сих пор пугает местные власти куда больше, нежели реально идущий процесс утраты народом своего лица. На земле

А. М. Сагалаев. В отпуске на севере Томской области. 1980-е гг. Фото А. Х. ЭлERTA

В мире, созданном титаническим – и ненатурным! – трудом общественного сознания, этнограф всегда чувствует себя чужаком. На его долю достаются в лучшем случае лишь отблески того огня, на котором выплавлялись удивительные строки шаманских поэм. Он улавливает слабые отголоски разговоров, что велись у костра, но видит лишь серый пепел кострища. Истолковав все символы и орнаменты, объяснив ритуалы и мифы, мы чувствуем тем не менее, что в картине чего-то не хватает. Допустим, что нам удастся сложить почти все осколки. Что увидим мы? Зеркало не может отразить ничего, кроме смотрящего в него лица. Что же утрачено безвозвратно – информация или способность пережить их реальность как свою? Как бы то ни было, картина ждет одушевления, соучастия, пусть даже ценой меньшей определенности и точности реконструкций. Собственно этнографических и фольклорных материалов, видимо, недостаточно для оживления тех схем, которые мы строим. Необходимо встречное движение неравнодушной души. Для того чтоб разделить духовные искания предков, наш пристальный взгляд, обращенный к их наследию, должен быть дополнен поисками ответа в себе самом.

А. М. Сагалаев. Алтай в зеркале мифа (1992), с. 174

богатыря Сартакпая за продолжателей его дела выдают себя строители Катунской ГЭС. Но вот иные мифологические сюжеты предпочитают держать под сукном.

Попробуйте отыскать в официальной истории Алтая правду о событиях 1904 г. Вы прочтете, что националистически настроенная алтайская буржуазия при поддержке «японских агентов» (?) инспирировала антирусское религиозное движение, известное как «бурханизм». Эта версия была создана в свое время частью православных миссионеров, распространявших на Алтае свет учения Христа. Ревнителю православия усматривали в распространении религиозного инакомыслия угрозу своим далеко идущим планам христианизации и русификации. Вожаки бурханизма были тогда арестованы и предстали перед судом, причем кому-то очень хотелось, чтобы процесс обрел пол тическую окраску. Не вышло. Но три десятилетия спустя версия о происках японской агентуры и обвинения в национализме всплыли вновь и уже надолго.

Не пора ли сказать правду о бурханизме, и, тем самым, снять, наконец, нелепые и оскорбительные обвинения? Прежде всего, бурханизм был индикатором зарождавшегося этнического самосознания той самой народности, которая ныне именуется алтайцами. Тогда, в начале века, этот процесс вступил в качественно иную фазу, появилась необходимость новой идеологии. Шаманство не могло взять на себя эту роль, так как выросло в недрах родового строя и обслуживало преимущественно его нужды. Православие отвергалось, как религия чуждая национальным духовным ценностям. Конфликт с новой действительностью в начале века назревал неотвратимо. Мечта о золотом веке, о своем месте под солнцем стремилась к воплощению. И она воплотилась в легенде о белом всаднике – мессии, весть о появлении которого облетела Алтай со скоростью молнии.

Ожили древние легенды и предания о справедливом правителе-богатыре, о могущественном некогда государстве ойратов. С наивной решительностью

обновленного язычества бурханизм декларировал отказ от всего, что в глазах людей символизировало их бесправное, инородческое положение, что было связано со вчерашней нищетой и завтрашним тупиком. В угоду новой, белой вере замолкли шаманские бубны, прекратились кровавые жертвоприношения. Отрицание распространилось и на русскую культуру, влияние которой на аборигенов кое-кто и сейчас хотел бы трактовать однозначно, то есть – положительно. Никогда сфера межнациональных отношений не была бесконфликтной, тем более – в пору проведения русификаторской политики. Отсюда – запальчивое утверждение бурханистской песни, что «косматый русский поп – не человек», отсюда требование к единоверцам изгнать из своих юрт все, связанное с русским бытом, вплоть до кошек. Впрочем, нетерпимость, характерная для всех религий в период их становления, вскоре сменилась у бурханистов более трезвым взглядом на жизнь и даже толерантностью. Показательно, тем не менее, что процесс над бурханистами закончился их оправданием, и немалую роль в том сыграло общественное мнение России. Когда Г. Н. Потанина спросили: как он относится к преследованиям бурханистов, ученый сказал, что общественное мнение страны всегда на стороне слабых и обиженных, а не на стороне сильных, облеченных властью и торжествующих.

В истории бурханизма переплелись неразрывно трагедия и фарс, честолюбивые замыслы и неосуществленные надежды. Как бы то ни было, глубоко заблуждаются те, кто считает, что легенда о белом всаднике канула в небытие. Память народа хранит предания о событиях в логу Теренг, где молившиеся бурханисты были «рассеяны» толпой крестьян под предводительством священника и станового пристава. Слушая эти рассказы, читая старые документы, хорошо представляешь себе непонимание и испуг властей, впервые столкнувшихся с просыпающимся чувством народного «Я». Между тем, две работы, посвященные бурханизму, до сих пор лежат в рукописях, – одна – полвека, другая – пятый год. А реальные события обрастают домыслами, становятся фактами новой мифологии. Вернут ли народу его историю? Пусть жесткую и, порой, нелицеприятную, но – свою.

Алтай ныне стал местом паломничества. Любители сыроедения медитируют на горных вершинах, туристы сплавляются по Катуне, парят на дельтапланах. Люди более прагматичные мешками увозят золотой корень и козий пух, а радетели всесоюзного масштаба добрались-таки до Катуня. Пришельцам и «открывателям» порой невдомек, что ступают они по земле чьей-то Родины.

Горы и долины Алтая уже не одно тысячелетие одухотворены человеческой мыслью. Этнографа здесь не оставляет ощущение, что время течет как бы двумя параллельными, не смешивающимися потоками. Рядом с Чуйским трактом, на перевалах стоят деревья, увешанные ленточками ткани. К целебным источникам – аржанам несут детей и ведут стариков, чтобы там, вдали от посторонних глаз, обратиться к родной земле-воде с просьбой об исцелении и здоровье. Там, наедине с Алтаем, суэта будней возвышается до бытия. Кто станет отрицать, что за минувшие десятилетия в жизнь алтайского народа вошло много полезного, необходимого, облегчающего быт? Но нельзя отрицать, что нужно и такое – заведомо непрагматичное, ритуальное ношение к жизни, природе, судьбе.

В чем суть архаичного мировоззрения, что служило опорой аборигенам Алтая? Прежде всего, в признании примата Природы, перед лицом которой чувствовал себя младшим. Священная родовая гора дарила жизнь членам рода, позволяла охотиться на своих склонах, была гарантом благополучия. Люди, как участники договорных отношений, никогда не позволяли себе негуманного отношения к природе. Не били зверя сверх необходимости,

Жизнь народов Сибири – это не черновики Истории или ее «неудачные варианты». Это просто иной путь, единственно возможный в их экологической нише. Народы Сибири создали все необходимое для полноценной жизни общества в тех условиях, которые и сейчас считаются трудными, накопили уникальный опыт хозяйственного и духовного освоения пространства, сполна заплатив за обретение Родины. Они не получили от судьбы другого шанса, но свой единственный использовали достойно. Мы же порой числим отдельные приметы их старого быта музейными диковинами, а саму культуру подвергаем унижительному досмотру: это – заблуждение, это – пережиток... Архаичная культура не нуждается в защите или оправдании, она требует понимания.

*А. М. Сагалаев.
Алтай в зеркале мифа (1992)*

старались не рубить живых деревьев... Ведущая характеристика старого мироощущения – это его экологичность. Люди жили с чувством целесообразности и соразмерности мироздания. Если снять покров таинственности с персонажей алтайского пантеона, мы увидим, что в большинстве своем они являются олицетворением родной Природы. Именно к Алтаю обращали проникновенные слова молитвы алтайские шаманы, вопрошая:

Малый народ бедствует,
Что мне делать, мой чистый Алтай?
Белобородые отцы мои!
Возносимый великий мой Алтай!
Даст ли (Алтай) благополучие?
Будет ли так, чтобы в пуповину
нашу грязь не попадала?
Будет ли так, чтобы на ресницах наших
не было слез?

В мировоззрении алтайцев – и об этом следует сказать определенно – было не так уж много элементов, которые можно однозначно определить, как «религиозные». Кстати, не о воспитании ли уважения к родной земле пекутся ныне педагоги, уснащая свои речи научной терминологией? В старой алтайской культуре эта задача решалась ненавязчиво, ибо апеллировала к душе человека. Старое мировоззрение, прежде всего, – это опыт духовного освоения жизненного пространства и времени, общественное самосознание обитателей и степей. Следует,

Празднование Чага Байрама – встреча Нового года по лунно-солнечному календарю. Кош-Агачский р-н Республики Алтай, 2017 г.
Фото К. А. Сагалаева

наконец, признать, что для малого народа родная земля – не фон, но важнейшее условие существования. Ее физическое и духовное отчуждение ведет к перерождению самого народа.

Когда-то К. Юнг писал, что наследуются не сами мифы, а предрасположенность к мифотворчеству. Если представить, – говорил философ, – что вдруг исчезли все мифы, предания, легенды, то уже в следующем поколении это духовное достояние будет воссоздано в полном объеме. Боюсь, что наша действительность вносит существенные коррективы в это утверждение. Угасает сама способность к мифотворчеству (в широком смысле этого слова),

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ А. САГАЛАЕВА В ТЕЛЕПРОГРАММЕ «ЛЕКСИКОН» (23.11.1995):

Я думаю, патриотизм – это в своей основе биологическое чувство. Чувство своей сопричастности какой-то территории и сообществу, которое на ней живет. Это очень четко прослеживается в мире высших приматов и вообще животных. Человек унаследовал эту привязанность к определенной территории обитания. И в этом смысле каждый народ, каждый этнос – это популяция, которая не только сознательно, но и бессознательно связана с тем местом, где живет. Потом у людей патриотизм постепенно развивается иначе, получает рефлексию, становится сознательным. Но на ранних стадиях истории человека он принимает достаточно причудливые формы. Например, в Новой Гвинее до недавнего времени практиковался обычай патрофагии – частичного или полного поедания тела родителя. Это не дикость, не вывих в сознании человека. Так люди архаичного сообщества выражали свою привязанность к предкам. Поэтому патрофагия – это первичная и для того общества высшая форма патриотизма. Не нашел такого примера, чтобы в какой-нибудь другой культуре мира было возможно такое, как в России XIX в., отрицательное отношение к своей стране. Такое самоедство. Как у Чаадаева. Как у его младших современников, у славянофилов, западников. Такая любовь к стране через мучение. То, что потом стало достоянием. Через самокопание, самоанализ, отрицание этой страны, осмеивание ее. Я не вспомнил никакой другой культуры, которая была бы так требовательна к себе. И, как ни странно, вся эта требовательность и странная любовь к Отчизне оказались бесплодными. Никак это не отразилось в народной культуре и, по-моему, ни к каким результатам не привело. Урок не впрок оказался

подобных атрибутов старого быта. Как факты истории культуры, они нуждаются не в оправдании, а в понимании. Презумпция невиновности – вот о чем вопиет духовное наследие аборигенов Сибири. Мировоззренческие концепции народов Сибири должны рассматриваться – на равных основаниях с прочими – в контексте всеобщей истории человеческой мысли. Перед нами не «боковые ветви» или «истоки» более развитых философских систем, но вполне самостоятельные и самоценные типы общественного сознания народов, вступивших некогда на иной путь развития. Поэтому описывать их интеллектуальную историю, как цепь непрерывных заблуждений и ошибок, подходить к их мироощущению, как к этнографической «диковинке» значит унижать целый народ, а заодно – демонстрировать и собственную несостоятельность.

Это может показаться парадоксом, но мы только сейчас подрастаем до адекватного восприятия и анализа шаманской поэзии, концентрированного выражения народной мудрости минувших веков. Так, выясняется, что мысль сибирских народов вплотную подошла к осознанию сложнейшей диалектики взаимодействия материи и сознания. И эта мысль жива до сих пор в искусстве сказителя кайчи, мудром слове старика, строках молодого поэта. Но она все больше и больше вытесняется на периферию культуры, заглушается безадресным информационным «шумом». Между тем, культура этноса не терпит пустоты. Мы знаем, к сожалению, чем заполняется неожиданный вакуум в народной

культуре и общественном сознании. Черета утрат не бесконечна. В конце концов, перед человеком встает тревожный вопрос: кто же он такой? Финалом может стать необратимый процесс разрушения этнического самосознания.

Стабилизировать этот процесс можно, лишь обратившись к фундаментальным ценностям своей культуры. В их числе бесспорно – национальное наследие. Народ должен, наконец, обрести свою историю, написанную человеческим языком без набивших оскомину прописных истин и схем. Ему должна быть возвращена гордость за деяния предков. В этой истории следует сказать правду обо всех действующих лицах: о баях, угнетателях и покровителях; о шаманах – поэтах и мыслителях, мздоимцах и плутах; о членах Каракорумской думы и первых колхозниках. Обо всех, кто составляет совокупное понятие «народ». Только такая история может быть духовной опорой народа, его посохом и указующим перстом. Пока же опасность утраты своего лица существует и осознается вполне отчетливо. Этот мотив звучит в стихах алтайского поэта Бронтоя Бедюрова. Обращаясь к священной горе, почтенный старец говорит:

Сброшены шапки и сняты ремни,
Молим, куда край неба багряя:
Ты от безликости нас охрани,
Ала-Бабырган,
Ала-Бабырган!

... Возвращение народам Сибири ощущения собственного места в мире и Истории, поддержание и пестование этого чувства – задача сложная. Но надо вернуть людям хотя бы надежду на сохранение своей самобытности, то есть – самостоятельного быта.

Пожилая алтайка у своего айыла.
Усть-Коксинский р-н, Республика Алтай, 1993 г. Фотосъемка и архив Г.Б. Сыченко

Статья впервые опубликована:
Наука в Сибири (Новосибирск).
1989. № 15 (1398), 21 апреля. С. 4–5